

Матушка-прораб

Об общине ОК 3/5 города Кохмы Ивановской области

В январе 2006 года мне довелось присутствовать на секции «Тюремное служение» в рамках ежегодной богословской конференции ПСТГУ. В ней принимали участие священнослужители и миряне разных епархий. Они должны были рассказать присутствующим о том, что было сделано за истекший год в епархиях по тюремному служению. Конференция изобиловала интересными докладами. Однако усталость брала свое. И вот, когда внимание слушателей, в том числе и мое, стало понемногу притупляться, на трибуну поднялись клирики Ивановской епархии. Когда стала говорить инокиня Фотиния, слушатели заметно оживились. Ее рассказ был посвящен нелегкому делу строительства храма в колонии г. Кохмы. Меня настолько поразила эта история, что, глядя на такую хрупкую девушку, я никак не могла представить ее в качестве прораба по строительным работам. Изыскать средства на возведение храма непросто в миру и вдвойне сложнее для колонии. Очень захотелось познакомиться с ней и обо всем подробно поговорить. Господь предоставил мне такую возможность, и надеюсь, что наша беседа послужит во славу Его, а также во славу тех, кого Он избрал для осуществления сего богоугодного дела.

Инокиня Мария: «Я являюсь инокиней Свято-Введенского женского монастыря города Иванова. Мое послушание в монастыре — член епархиальной тюремной миссии. Послушание несусь недавно, буквально два года. Была я в прошлом году здесь, в Москве, на Рождественских чтениях. Выступало много батюшек, которые по несколько лет окормляют тюрьмы, их выступления меня очень вдохновили, и родилась у нас такая идея — построить храм в колонии строгого режима ИК 3/5 города Кохмы. Первоначально идея, конечно, исходила от самих ребят, потому что маленький домовый храм, обустроенный в молельной комнате, стал тесным, так как община постоянно растет. Но не было движущего начала, и вот как раз после этих Рождественских чтений, которые меня так воодушевили, мы взяли благословение у нашего владыки Амвросия, у батюшки нашего настоятеля и с Божьей помощью взялись за дело.

— **Расскажите, пожалуйста, как Вы в первый раз пришли в эту колонию. Почему именно мужская колония, а не женская?**

— В женской колонии было налажено регулярное посещение священника, а в этой колонии священник появлялся редко, и мне такой вот выпал жребий. Приходилось даже немножко раскрасивать батюшку, вызванивать просить, чтобы пришел.

— **Как Вас принимали заключенные, учитывая, что Вы девушка, да еще и инокиня?**

— Поначалу, конечно было страшно: как воспримут ребята, будут ли слушать, будет ли это им понятно. Священник наш исповедовал наверху, а я в этот момент одна веду с ними катехизаторскую беседу внизу, в клубе. К моему великому удивлению, ребята очень

внимательно слушали.

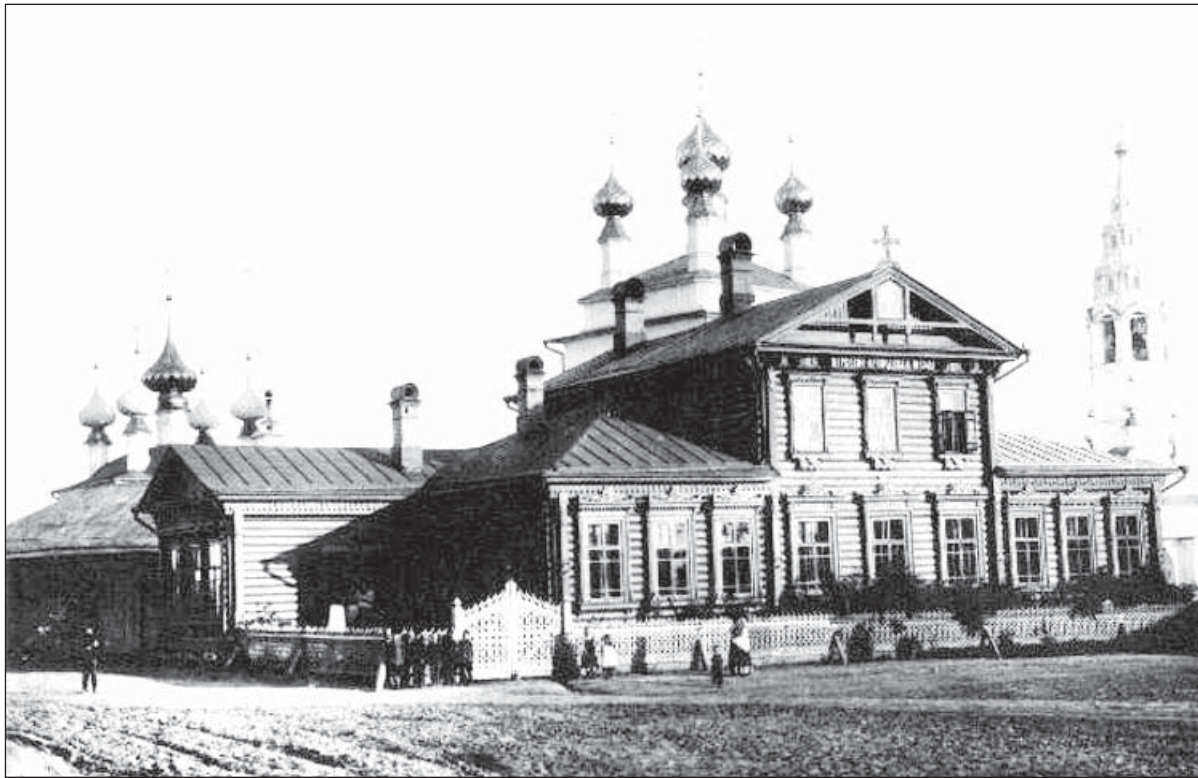
— **Это проходило в форме диалога или как-то иначе?**

— Опыт пришел не сразу. Сначала я сама им что-то рассказывала, но потом поняла, что нужно устраивать диспуты, то есть вопрос — ответ. Беседа ста-

ность в вопросах жизни на зоне?

— Ни в коем случае, наоборот, отнеслись с большим участием. Я им тоже откровенно говорила: «Ребята, у меня нет опыта, я многого не знаю, может быть, что-то не так скажу». Они понимали меня, шли навстречу; были моменты,

возлагали на него большие надежды. К тому же не было у нас ни финансиста, ни прораба. И все это в один прекрасный день свалилось на мою голову, и мне одной пришлось тащить весь этот воз, с Божьей помощью. Конечно, очень помогали ребята из общины, у

Такие храмы были Кохме до 1917 г.

новились оживленнее, и ребята как-то раскрепощались. Потому что они тоже впервые увидели меня в облачении монашеском, для них это было ново, непривычно, они немного оробели, растерялись. Но, видимо, наша беседа их заинтересовала, потому что в следующий раз пришло больше ребят. Начиналось все с трех человек, а потом и двадцать, и тридцать, поэтому приходилось с еще большей ответственностью готовиться к встречам.

— **А какие вопросы они чаще всего задавали, что их особенно интересовало?**

— Были, конечно, разные вопросы, но первое что они спросили: «Как ваше житие в монастыре?» Их интересовало все о монастыре, этому были посвящены наши первые беседы.

— **И все-таки, какими были Ваши первые фразы?**

— Я представилась, и самое важное, что мне хотелось до них донести, — что мы тоже все люди и мы им не только сочувствуем, но и хотели бы протянуть руку помощи. Вот, хотите, берите эту помощь, черпайте. Хотелось донести эту любовь, потому что многие люди чуждаются их, а они очень тонко чувствуют это отношение. Поэтому, когда они видят такую открытость, такую любовь, они сами тянутся и других начинают за собой тянуть.

— **Они не пытались Вас подколоть, показать Вашу наивность, неосведомлен-**

когда они сами мне объясняли: а у нас так-то или так-то. Постепенно я входила в их жизнь, многое стало проясняться.

— **Насколько искренними они были? Могли вообще откровенно сказать, что у них там происходит?**

— Да, чтобы мне было легче понять их внутреннюю жизнь, внутренний мир, дать какой-то совет. В этом, наверное, особенность тюрьмы: если войдешь с ребятами в контакт, они настолько раскрываются, настолько откровенны, что врать уже не будут.

— **Они рассказывали Вам, как членам общины приходится выживать среди заключенных, далеких от религии? Может, кому-то приходилось за веру и пострадать?**

— Рассказывали, что поначалу встречали препятствие и со стороны администрации колонии, потому что это выглядело как некое новшество, среди заключенных были насмешки, но все это было очень давно. Сейчас община окрепла, а в связи со строительством храма стала еще больше.

— **Расскажите, пожалуйста, о том, как начиналось строительство храма.**

— Батюшка благословил сначала найти материал, а потом уже освящать. Нашелся благодетель, который пожертвовал нам кирпич. Но, к сожалению, потом оказалось, что архитектор, который проектировал наш храм, уехал, а мы

них было огромное желание построить храм. И, как прозвучало сегодня на конференции, пострадавшие, им хочется искупить свои грехи какими-то добрыми делами, делами милосердия. Нередко сами заключенные делали денежные переводы на строительство храма со своих маленьких заработков — по сто, по двести рублей. Наш город очень бедный, многие фабрики, заводы позакрывались, куда бы я ни обращалась за помощью, везде получала отказ. Пришлось мне и с кружкой путешествовать для сбора средств, что немало отражается на здоровье. Я буквально разрывалась: и средства надо изыскивать, и за стройкой следить... Если не собираю средства, то тогда я практически каждый день в колонии. В общем, храм строился на слезах и на молитве, особенно Пресвятой Богородице, ведь храм у нас во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

— **Ребята сами предложили так назвать или это ваше решение?**

— У нас доверительные отношения, без совета с ними я ни шага не сделаю.

— **Как же Вы руководили стройкой? Вам приходилось читать какие-то книжки по строительству?**

— Доходило до того, что я шла по городу, видела стройку, заходила туда, находила прораба и спрашивала все до мелочей, начиная с фундамента.

— **Неужели среди заключенных не было**

никого, кто мог бы вам в этом помочь, проконсультировать?

— Дело в том, что у меня уже были послушания, связанные со строительством, поэтому опыт небольшой есть. Любое предложение нужно перепроверить — бывает, не один раз и не два, а раз пять.

— **А смету тоже Вам приходилось составлять?**

— Да. Но все это, я думаю, батюшскими молитвами. У меня вообще ощущение, что это все Сам Господь строит. У нас даже был такой случай. Когда пришлось altarь выкладывать, кладка должна быть круглой, и не было каменщика, который мог бы это сделать. И вот наконец нашелся такой человек, но он не захотел нам помочь. Ребята расстроились все, но я говорю: «Давайте не будем унывать, давайте будем молиться». У нас была общая усиленная молитва, и еще у нас за стройку каждый день читается акафист святителю Николаю. И вот намолились мы и видим: бежит к нам этот человек, взволнованный, всю службу простоял в храме и говорит: «Я буду делать кладку». Мы спрашиваем: «А что случилось?» И он нам рассказывает такую историю. У него давно умерла мама, и тут ему снится, что мама идет за ним по зоне и просит: «Сынок, сложи мне лавочку». — «Мам, из чего же сделать тебе лавочку?» — «Да вон из того кирпича...» — и показывает на стройку и кирпич для altarя. Проснулся, говорит, я в поту и понял, что нужно делать кладку. И вот милостью Божией у нас не на один день не прекращалась стройка. Заключенные каждый день трудятся не покладая рук с восьми утра до девяти вечера. Многие ребята первый раз в жизни делают кладку и относятся к этому с удивительным благоговением.

— **Матушка, скажите, ваша духовная жизнь изменилась после того, как Вы стали заниматься тюремным служением?**

— К сожалению, бывают такие дни, когда я даже келейное правило не успеваю прочитать. Я настолько устаю, что просто на кровати лежу пластом, открываю глаза — уже утро, надо снова бежать на стройку. Все это связано с большим эмоциональным и физическим напряжением, поскольку я иногда провожу весь день и без еды. Бывает, ребята меня сами кормят, из своих продуктов выделяют мне вермишель быстрого приготовления.

На праздник Владимирской иконы Пресвятой Богородицы (6 июля 2005 года) началась закладка храма «Всех скорбящих Радость» на территории ИК 3/5 г. Кохмы, а 8 сентября (также на праздник Владимирской иконы) был отслужен в храме первый молебен. Служил иеромонах Иннокентий (Илюшин), уже много лет окормляющий эту колонию. Пели сами заключенные, принимающие участие в строительстве храма. Настроение у всех было праздничное, в глазах у ребят светилась радость. Над головой вместо купола — ясное синее небо, ярко светило солнце....

Анна ДЖУРАСС

НАМ ПИШУТ

... И милость к падшим призывал

Смертная казнь или пожизненное заключение?

Всем сотрудникам редакции — мира и благополучия от Господа нашего Иисуса Христа. Позвольте мне высказать свое мнение по вопросу о смертной казни, который не раз поднимался на страницах газеты. Прежде чем взяться за перо, я долго обдумывал эту тему, прочувствовав на своей собственной шкуре. Дело в том, что некоторое время назад я сам, еще до введения моратория на смертную казнь за совершенное преступление был приговорен к высшей мере наказания. После приговора я пять лет провел в одиночной камере смертников и на себе прочувствовал, что такое ежедневно засыпать в ожидании неминуемой физической смерти. Чтобы не быть многословным, скажу только, что ужаснее этих бесконечных часов у меня не было за всю мою жизнь. И если бы не Божий промысел, Его помощь и поддержка, мне вряд ли удалось бы выдержать это ожидание.

Как ни парадоксально это звучит, вероятнее всего, я бы повесился, не ожидая, пока за мной придут. Мне хотелось скорейшей развязки, хотелось скорее избавиться от этих страданий. Находясь под «вышкой» я не думал о содеянном преступлении, а заботился прежде всего о своем внутреннем комфорте! И слава Богу, что в эту минуту Он не отвернулся от меня, отвел от края гибели и дал время осознать совершенный грех и покаяться. Впоследствии я думал: «А что было бы, если бы меня расстреляли, если бы я ушел «туда» без покаяния?» Во-первых, совершил бы еще один страшный грех, после которого покаяние уже невозможно. Во-вторых, обрек бы свою душу на гибель. В-третьих, не было бы впоследствии тех людей, которых через меня Господь наш привел к вере!

Я не оправдываю умышленные убийства! Упаси Бог! Сейчас я, как говорится, мухи не

обижу! И когда я говорю окружающим меня людям, что не хочу смерти даже врагу, некоторые, смеясь, говорят: «Если бы все так у нас в стране думали, то нас давно бы уничтожили». Однако, на мой взгляд, если бы так думали, то воевать было бы просто некому. А если все в нашей стране будут так думать, то защитой нашей будет сам Господь.

Не оправдывая убийства одним человеком другого, я решительно выступаю против убийств и на государственном уровне — другими словами, против смертной казни. Ведь не секрет, что жестокость наказания порождает жестокость. Да и человеку, в случае замены смертной казни на пожизненное заключение, дается шанс жить по-новому. Ну а если преступник, пройдя все мытарства заключения, не использует этот шанс, то значит, его душа уже действительно мертва. Однако такие случаи бывают крайне редко.

Отбывая пожизненное заключение, я убедился, что многие из тех, кому заменили смертную казнь пожизненным заключением, стали другими, покаяться и не хотят возвращаться на путь преступлений. У государства есть великодушная возможность духовно исцелить тех людей, которые в данное время отбывают пожизненное заключение, вместо того чтобы их уничтожить. Да к такому государству и уважения больше будет! Ведь сюда попадают люди, которые «заболели» еще на свободе. И их лечить надо, а не убивать. И мне хочется верить, что государство, священники и все люди, которым небезразлична судьба заключенных, с помощью Божией вернут стране хоть часть исцеленных душ. Поэтому я с уверенностью ставлю запятую так: «Казнить нельзя, помиловать!» — и желаю милости всем людям.

Василий ГОРНУХИН